

Шашков Серафим Серафимович

**Исторические этюды С. С.
Шашкова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С32

С32 **Серафим Серафимович Ш.**
Исторические этюды С. С. Шашкова / Шашков Серафим Серафимович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 351 с.

ISBN 978-5-521-30765-4

ISBN 978-5-521-30765-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

0

НѢМЦАХЪ. *)

I.

Грустную картину представляла изъ себя Германія XVIII вѣка. Раздѣленная на множество крупныхъ и мелкихъ государствъ, безгласная и безправная, опутанная интригами и бюрократіей, раззоряемая и продаваемая, она спала такимъ глубокимъ и самодовольнымъ сномъ, который могло нарушить, по выраженію Берне, развѣ только одно землетрясеніе.

Послѣ реформаціи и народнаго движенія, вызваннаго вліяніемъ ея на общественное мнѣніе и въ лицѣ Мюнцера дав-

*) *Scherr*, Blücher, seine Zeit und sein Leben, 3 Bänd., 1865. — *Springer* Geschichte Oesterreichs seit dem wiener Frieden 1809, 2 B., 1863 — 1865. — *Varnhagen von Ense*, Blätter aus der preussischen Geschichte, 5 B., 1868 — 1869. — *Pise*, Geschichte der politischen, Untersuchungen welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1869 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind, 1860. — *Шерръ*, Исторія Цивилизаціи въ Германіи, 1869 — *Берне*, Сочиненія, 2 т., 1870. — *Шерръ*, Комедія Всемірной Исторіи, 1870. — *Gervinus*, Histoire du XIX Siècle, 22 vol., и др.

шаго генеральное сраженіе грубому феодальному порядку, Германія, побѣжденная и измученная изувѣрскими войнами, опять надолго заснула. Мюнцеръ погибъ, а съ нимъ погибла и великая мысль его. Народъ попрежнему сдѣлался орудіемъ политической и религіозной эксплуатаціи, и не было того произвола, того рабства, котораго бы онъ не вынесъ.

Такъ продолжалось дѣло до конца XVIII вѣка, когда въ самомъ воздухѣ стали носиться новыя идеи, новыя гуманныя стремленія, новыя потребности лучшей общественной жизни. Это обще-европейское движеніе коснулось и Германіи.

Нѣсколько государственныхъ дѣятелей пытались было произвѣсти необходимыя реформы, но реакція дворянства, духовенства и бюрократіи оказалась сильнѣе прогрессивныхъ стремленій нѣмецкаго общества и тѣхъ немпогихъ правителей, которые хотѣли идти въ уровень съ вѣкомъ. Таковъ былъ, напр., Іосифъ фонъ-Брейтенбахъ, курфюрстъ-архіепископъ майнцскій (1763—1774). Онъ поднялъ до высокой степени матеріальное благосостояніе и народное образованіе своей страны, ненавидѣлъ іезуитовъ, преслѣдовалъ развратъ духовенства, старался искоренять суевѣрія, запретилъ продажу мощей, амулетовъ и индульгенцій, ввелъ въ учебныя заведенія философію Лейбница и Вольфа и т. д. Но эта свѣтлая личность была бельмомъ на глазу высшаго сословія Майнца, и въ 1774 г. архіепископъ внезапно заболѣлъ и умеръ, поѣвъ супа, который былъ отравленъ іезуитами. Вся его реформаціонная дѣятельность погибла. Въ Пруссіи король-философъ, Фридрихъ II, объявившій при своемъ воцареніи, что главною задачею своей жизни онъ ставитъ борьбу съ невѣжествомъ и предразсудками, просвѣщеніе умовъ, смягченіе нравовъ, былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ миссіонеровъ науки, разума и вѣротерпимости въ своемъ отечествѣ. Поднявъ Пруссію до степени первостепеннаго государства въ Европѣ, Фридрихъ реформировалъ ея законы,

улучшилъ военное устройство, содѣйствовалъ развитію земледѣлія, промышленности и торговли, допустилъ свободу рѣчи и прессы. И хотя при всемъ этомъ Фридрихъ былъ до того деспотиченъ, что, по выраженію Альфіери, прусское королевство тогдашняго времени, „съ его тысячами наемныхъ сателлитовъ, этой единственной опорой самовластиа, было одной огромной, непрерывной гауптвахтой, а Берлинъ большой казармой, внушающей отвращеніе“ — но никто не рѣшится отнять у этого государя великихъ заслугъ цивилизатора своей страны. Самый деспотизмъ Фридриха естественно объясняется характеромъ того апатичнаго общества, въ средѣ котораго ему довелось дѣйствовать. „Пруссакки, писалъ лордъ Мальмесбюри, вообще бѣдны, тщеславны, невѣжественны и безправственны. Въ тщеславіи своемъ, они воображаютъ видѣть собственное величіе въ величіи своего монарха. Невѣжество заглушаетъ въ нихъ всякое понятіе о свободѣ и о возможности сопротивленія насилію. Отсутствіе нравственности дѣластъ ихъ готовыми орудіями для исполненія какихъ бы то ни было приказаній. Они никогда не размышляютъ, насколько справедливы эти приказанія“. Понятны послѣ этого предсмертныя слова Фридриха, что онъ „усталъ царствовать надъ рабами“. Реформаторская дѣятельность Фридриха II кончилась вмѣстѣ съ его жизнію, а затѣмъ дѣла пошли даже хуже, чѣмъ шли они прежде. Въ Австріи умственное и общественное движеніе XVIII вѣка произвело „деспотичнаго, какъ солнце“ императора, Іосифа II. Это былъ честнѣйшій изъ государей своего времени и своими нравственными правилами могъ бы служить поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ тогдашнихъ вѣнценосцевъ. Онъ уменьшилъ на половину придворный штатъ своей матери и вмѣсто 6 милліоновъ, расходующихся ежегодно на содержаніе двора, назначилъ только 500,000 талеровъ. Онъ не держалъ любовницъ, какъ это дѣлали всѣ тогдашніе государи, и никогда не игралъ въ карты на томъ основаніи, что „государь про-

игрываетъ деньги своихъ подданныхъ“. „Онъ, говоритъ Шерръ, уважалъ то, что дѣйствительно достойно уваженія въ народѣ“ и презиралъ, (конечно, безъ всякаго ущерба своей власти) жалкую фибцію олимпійскаго господства милостью божіей. „Безсмысленно думать, писалъ Іосифъ II въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, что земля принадлежала властямъ прежде, чѣмъ явились подданные, и что эти власти уступили имъ часть своей собственности на извѣстныхъ условіяхъ. Развѣ власти не умерли бы съ голода, еслибы некому было обрабатывать землю?“ Онъ ввелъ свободу прессы, гражданскую равноправность протестантовъ съ католиками, уничтожилъ крѣпостное право, реформировалъ гражданское и уголовное законодательства, распространилъ на всѣхъ гражданъ обязанность нести государственныя тягости, значительно поднялъ народное образованіе, ограничилъ власть церкви, уничтожилъ 700 монастырей и т. д. Эти реформы и централизационная дѣятельность императора, желавшаго объединить разнородныя земли своего государства, создали ему множество враговъ, особенно среди дворянства и духовенства, которые и приготовили ему преждевременную могилу.

Вслѣдъ за эпохою упомянутыхъ реформаторовъ, въ Германіи настаетъ періодъ глухой и темной реакціи. Умныхъ и просвѣщенныхъ властителей смѣняютъ вялые правители, служащіе игрушками въ рукахъ феодальныхъ партій. Пруссія изъ государства европейски-просвѣщеннаго, какимъ хотѣлъ сдѣлать ее Фридрихъ II, снова превратилась въ феодально-грубое и отсталое государство. „Этотъ долговязый герой въ штиблетахъ, по выраженію Гейне, эта чопорная, лицемѣрная, ханжествующая Пруссія“, пожираемая и развращаемая феодальными паразитами, разлагалась заживо и постепенно умирала отъ внутренняго истощенія, подобно всей остальной Германіи. Особенно плохо дѣла шли въ Австріи, императоръ которой былъ главою „священно-римской имперіи нѣмецкой націи“. При ничтожномъ преемникѣ Іосифа, Леопольдѣ II,

дворянство австрійскихъ земель успѣшило возстановить многія изъ своихъ привилегій, нарушенныхъ Іосифомъ, и употребило всѣ усилія, чтобы погубить брошенные имъ сѣмена прогресса. Эта реакція съ особенною силою выразилась на провинціальныхъ сеймахъ. Ландтаги явно стремились къ возстановленію крѣпостного права и другихъ сословныхъ привилегій, уничтоженныхъ Іосифомъ, къ отмѣнѣ законовъ, обязывавшихъ всѣхъ гражданъ къ несенію государственныхъ тягостей, къ лишенію правъ, данныхъ евреямъ, протестантамъ и свободнымъ мыслителямъ, къ дарованію духовенству прежней его силы, къ введенію строгой цензуры и т. д. Помѣщичій и католически-изувѣрскій духъ явно былъ замѣтенъ во всѣхъ этихъ требованіяхъ, хотя онъ и прикрывался маскою чешскаго и венгерскаго патріотизма. Въ своихъ столкновеніяхъ съ этою реакціонною оппозиціей, прикрытой плащомъ сепаратическаго и конституціоннаго либерализма, австрійское правительство могло дѣйствовать двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, продолжая дѣло Іосифа, оно могло значительно ослабить и дворянскую оппозицію и духъ сепаратизма, уничтоживъ всѣ феодальныя привилегіи, заботясь преимущественно о свободѣ и благосостояніи народныхъ массъ, и ограждая ихъ отъ всякихъ хищническихъ притязаній аристократіи. Но идти по этому пути, значило воспитывать народъ для самостоятельной жизни и разрушать режимъ личнаго или корпоративнаго самоуправства. Между тѣмъ полное возстановленіе феодальнаго крѣпостничества было невозможно даже и въ томъ случаѣ, если бы оно не грозило вызвать энергическое сопротивленіе со стороны освобожденныхъ крестьянъ. Возвращая дворянству всѣ его старыя привилегіи, австрійскій абсолютизмъ самъ бы приготовилъ сильнаго соперника себѣ и опаснаго помощника сепаративнымъ стремленіямъ Венгріи и Богеміи. Оставался третій путь дѣйствій: признавая дворянство опорою трона и сдерживая какъ конституціонныя, такъ и сепаратистическія стремленія его, на-

правлять весь ходъ государственныхъ дѣлъ къ выгодамъ дворянской корпораціи, и не липая крестьянъ окончательно всѣхъ приобрѣтенныхъ ими льготъ, ограничить послѣднія такъ, чтобы ихъ свободное состояніе было только новою формою уничтоженныхъ Іосифомъ подневольныхъ отношеній къ аристократіи. Слѣдуя такой системѣ, предумышленно поддерживая въ государствѣ разрозненность сословныхъ интересовъ и вражду между крестьянами и дворянствомъ, прикидываясь попеременно защитникомъ то той, то другой стороны, надѣлая дворянство выгодными привилегіями и въ то же время поддерживая въ массахъ народа вѣру въ правительственную помощь, центральная власть могла бы пользоваться для своихъ выгодъ то той, то другой стороной, смотря по обстоятельствамъ. Австрійское правительство приняло именно такую систему дѣйствій и, поблажая реакціоннымъ стремленіямъ дворянства и духовенства, сумѣло водворить въ государствѣ такіе порядки, что одно названіе Австріи надолго сдѣлалось ненавистнымъ для каждаго порядочнаго нѣмца. Основанію и поддержкѣ этихъ порядковъ много содѣйствовали страхъ, наведенный французской революціей, и система запугиванья общества мнимыми интригами „якобинцевъ“, какъ называли тогда всѣхъ людей съ прогрессивнымъ образомъ мыслей. „Какъ прежде іезуитамъ, говоритъ Шпрингеръ, такъ теперь либераламъ приписывались самые несбыточные планы, и выдумывались самыя нелѣпыя сказки о степени ихъ вліянія и распространенія“. Мало попятное для большинства австрійцевъ названіе *якобинцевъ* послужило удобнымъ орудіемъ для реакціонной интриги. Венгерскіе магнаты, хлопотавшіе о конституціи, члены оппозиціи на рейхстагѣ, юноши, читавшіе запрещенныя книги или увлекавшіеся теоретическими принципами французской революціи, члены тайныхъ обществъ, неимѣвшихъ никакого политическаго характера, каждый честный писатель, каждый чиновникъ, имѣвшій дерзость защищать права и интересъ народа, каж-

дый обыватель, непреклонявшій своей головы передъ авторитетомъ католическаго попа,—всѣ обвинялись въ яacobинствѣ, всѣ преслѣдовались съ тою утонченною жестокостью, съ какою вплоть до послѣдняго времени Австрія карала своихъ добрыхъ гражданъ, какъ „политическихъ преступниковъ“. И кто только не былъ имъ въ глазахъ тогдашняго австрійскаго правительства! Даже извѣстный покрой штановъ и толстый галстухъ навлекали на носителей ихъ серьезное подозрѣніе въ революціонныхъ замыслахъ. Организованная при Леопольдѣ II тайная полиція, по выраженію Шпрингера, играла въ государствѣ роль провидѣнія. Поощреніе доносовъ въ конецъ развращало общественную нравственность. Всѣ отрасли народной жизни были отданы подъ надзоръ сыскныхъ канцелярій. Школы подчинены духовенству. Въ 1801 году цензура поручена полицейской власти; въ 1803 г. учреждена цензурная коммиссія для строжайшаго пересмотра всѣхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ при Іосифѣ II; она запретила болѣе 2,500 книгъ напечатанныхъ въ Австріи. Застой въ промышленности и торговлѣ и раззореніе народныхъ массъ вели за собою голодъ, страшную дороговизну и разстройство финансовъ. Ни введеніе новыхъ налоговъ, ни ревностное взысканіе недоимокъ, ни многочисленныя преобразовательныя коммиссіи, посредствомъ которыхъ правительство думало поправить дѣла, преднамѣренно удаляя въ то-же время всякую мысль о какой-бы то ни было существенной реформѣ,—ничто не помогало. Реакціонерно-юнкерская партія имѣла даже наглость воспользоваться разстройствомъ народнаго хозяйства и всеобщю дороговизною для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ крестьянской реформы. Чешское дворянство, напри-мѣръ, сваливало на освобожденіе крестьянъ всю вину экономическихъ бѣдствій страны, доказывая, что причина дороговизны лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что освобожденные крестьяне слишкомъ ужъ зазнались, а причина скупости хлѣбныхъ запасовъ—въ природной лѣности глупаго

мужика, неспособнаго безъ помѣщичьяго надзора ни къ какой дѣятельности! Въ этомъ хаосѣ реакціонной анархіи австрійское правительство, какъ и правительства всей остальной Германіи, опирались главнымъ образомъ на полицію и военную силу. „Грубая, ограниченная солдатчина, говоритъ Шерръ. считалась единственною опорою власти и привилегій высокопомѣрнаго дворянства и нетерпимаго духовенства... Поэтому старались систематически расширять пропасть, отдѣлявшую военныхъ отъ массы гражданъ. Едва прикрытою безнаказанностью нарочно поощряли солдатскую грубость. Офицеры совершали безнаказанно чуть не убійства, и позволяли себѣ выдѣлывать надъ беззащитными гражданами такія штуки, терпѣливо сносить которыя могло только нѣмецкое добродушіе“. Но годныя для поддержанія реакціонныхъ стремленій внутри государствъ, эти войска совершенно негодились для защиты отечества отъ его дѣйствительныхъ враговъ. Неразсчитливое управленіе, раззоряя страну, лишало ее богатства, этого перваго условія для успѣшнаго веденія войны. Оно деморализировало и офицеровъ и солдатъ, лишенныхъ всякихъ гражданскихъ доблестей, превращенныхъ въ ходячія машины, служившихъ начальству, а не отечеству, воевавшихъ по приказу и непонимавшихъ, за что и противъ чего они сражаются. Офицерство, состоявшее почти исключительно изъ пустого и невѣжественнаго юнкерства, смотрѣвшаго на службу, какъ на доходную статью и на знакъ своего отличія,—офицерство это было вполне достойно тѣхъ несчастныхъ солдатъ, которые вербовались насильно и которыхъ заставляли служить розгами, шпицрутенами и страхомъ разстрѣліянія. Реакціонная партія, вытѣснивъ честныхъ, способныхъ и образованныхъ людей изъ гражданской службы, вытѣснила ихъ и изъ военной, наполнивъ ту и другую такими друзьями отечества, съ невѣжествомъ и бездарностью которыхъ могла поспорить только ихъ безправственность. Естественно, что весь контингентъ правительственныхъ агентовъ

состоялъ изъ людей сомнительной честности и ума. Подавляя всякую самодѣятельность общества, лишая его всякой надежды на улучшеніе дѣлъ, нѣмецкія реакціи подавляли въ народѣ и въ арміяхъ и довѣріе къ правительству, и патріотическое чувство, столь необходимыя для успѣховъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Народъ оставался тѣмъ болѣе равнодушнымъ къ войнамъ, что эти войны затѣвались правительствами изъ-за ихъ личныхъ расчетовъ и приносили народу только одно раззореніе. Люди развитые и всѣ великіе представители нѣмецкаго гешія, и Кантъ, и Шиллеръ, и Гете, и Гегель такъ мало находили привлекательнаго въ окружавшихъ ихъ порядкахъ, что патріотическое чувство вовсе не волновало ихъ сердца. „Я, говорилъ Лессингъ, не имѣю никакого понятія о любви къ отечеству, и она кажется мнѣ одною только героическою слабостью, безъ которой я охотно обхожусь“. При подобныхъ порядкахъ возможенъ только одинъ казенный патріотизмъ чиновниковъ, получающихъ за него плату. Это понимало даже австрійское правительство и, приготовляясь къ войнѣ съ Наполеономъ, рѣшилось подкупить народное чувство своимъ двусмысленнымъ либерализмомъ, объявляя, что оно идетъ сражаться во имя свободы и блага народовъ!..

Но ничто уже не могло спасти Германіи, которая вслѣдъ за коалиціонными войнами съ новорожденной французской республикой была вовлечена въ борьбу съ геніальнымъ солдатомъ, рѣшившимся „вымести европейскій соръ“ своей железной метлой.

Подъ напоромъ наполеоновскихъ армій гибли, какъ мухи, несчастныя нѣмецкія войска, разваливались, какъ старыя, сгнившіе домишки, германскія государства, повелители которыхъ превращались въ раболѣпныхъ прислужниковъ ноѣйшаго Аттилы. Особенно постыдную роль играли при этомъ правительства Рейнскаго союза, „которые изъ-за титула королевства, великаго герцогства, изъ-за позволенія завладѣть

жалкими лохмотьями свободы, остававшимися еще у ихъ подданныхъ отъ всего ихъ наслѣдственного достоянія, изъ-за полученія права разыгрывать роль независимыхъ хозяевъ въ своихъ префектурахъ,—продавали Наполеону свои владѣнія и помогали ему угнетать ихъ собственныхъ соотечественниковъ и уничтожать Пруссію, которая защищала ихъ отъ Австріи, и Австрію, вассалами которой они были“ (Берне). Такую-же жалкую роль играли въ эту трудную для Германіи годину и всѣ остальные нѣмецкія правительства, безумно рассчитывавшія на сильную поддержку аристократіи, которая выдавала себя за самую надежную опору престоловъ. Даже въ то самое время, какъ наполеоновская гроза готова уже была разразиться надъ Германіей, нѣмецкое дворянство и нѣмецкіе государи не дѣлали ничего серьезнаго для защиты отечества,—да и что могъ сдѣлать серьезнаго этотъ исхудалый народъ, совершенно выродившійся вслѣдствіе своей вѣковой пригнетенной жизни! Въ виду самого врага и грозной опасности, прусское высшее общество развратничало, кутило напропалую и своею безпутною роскошью въ конецъ раззоряло страну. „Гнилое государство безцѣльно блуждало изъ стороны въ сторону подъ управленіемъ грязной троицы—Гаугвица, Ломбарда и Лукезини. Напрасно принцъ Людвигъ предсказывалъ, что Пруссія не устоитъ противъ силы Франціи, что она падетъ безъ помощи, можетъ быть, даже безъ чести. Его пророчество исполнилось. Несчастливая разрозненность Германіи, дѣлавшая возможнымъ злорадство Пруссіи во время аустерлицкаго пораженія Австріи, пала тяжелымъ гнетомъ на самую Пруссію. Наполеонъ не могъ надивиться быстротѣ и легкости своихъ побѣдъ въ походѣ 1806 г., разрушившемъ монархію Фридриха Великаго. „Пруссаки еще глупѣе австрійцевъ“, говорилъ онъ.—Подлая трусость, съ которой знатные прусскіе генералы, почти безъ выстрѣла, сдавали сильнѣйшія крѣпости королевства во власть враговъ, показала, какую ненадежную опору для трона составляла въ